

РЕЦЕНЗИЯ

Романчук А. И. Очерки истории и археологии византийского Херсона. — Екатеринбург: Изд-во Уральского ун-та, 2000. — 390 с., 120 рис.

полным правом можно констатировать, что византистика пополнилась неординарным монографическим исследованием, которое аккумулировало богатый опыт предыдущей полевой и научной работы, в какой-то степени стало итогом этой многолетней работы, вылившейся в создание синтезной, по сути дела всеохватной картины самых разных сторон жизнедеятельности конкретного византийского провинциального города, каким являлся Херсонес-Херсон в VII–XV вв. Подходы к раскрытию этой глобальной проблемы были заложены достаточно давно. Уже в 1972 г. А. И. Романчук была защищена кандидатская диссертация, в которой делалась попытка проанализировать положение города в «темные века» и одновременно поколебать, казалось, незыблемый пьедестал, на котором покоились выводы А. Л. Якобсона и иже с ним, что во многом удалось [1; 2]. Зерна серьезных сомнений были посеяны и ждали всхода. Облик угрюмого, неприютного, нищего, обесиленного, захолустного, отрезанного от цивилизованного мира Херсона стал постепенно уступать место иным, более оптимистичным и прагматичным контурам. К сожалению, работа по созданию обобщающего исследования, посвященного ранне-средневековому Херсону, так и осталась незавершенной, так как, кроме специальных статей, автор опубликовала по этой теме два учебных, а не научных издания [см.: 3, с. 42–55; 4, с. 45–53; 5, с. 246–250; 6, с. 3–13; 7, с. 156–159; 8, с. 18–26; 9; 10, с. 13–53]. В дальнейшем А. И. Романчук будет периодически обращаться к этой своей ранней тематике [11, с. 319–331; 12, с. 84–105; 13, с. 52–67; 14, с. 123–135; 15, с. 165–171; 16, с. 30–46; 17, с. 204–213; 18, с. 107–118; 19, с. 234–244; 20, с. 178–183], но в монографические исследования выльются проблемы исторической топографии позднего Херсона и оценки состояния города преимущественно в VII–IX и XIII–XIV вв. [21; 22]. Последние, слитые в одной книге воедино, представляют особый интерес, ибо являются своего рода итогом многолетних наблюдений автора как над письменными источниками, так и в еще большей степени над материалом, полученным в ходе археологических исследований, прежде всего Уральской экспедиции. Материалы раннесредневекового и поздневизантийского города оказались при этом рассеяны по соответствующим очеркам, своеобразным эссе, в которых рассматривались история раскопок, оборонительные сооружения, христианские храмы и другие культовые постройки, состояние соляного и рыбозасолочного промыслов, гончарного производства, жилой застройки, особенно портового района, где наиболее интенсивно и долго вела работы Уральская экспедиция. При этом А. И. Романчук весьма актуально призвала к давно назревшему обобщению находок, которые получены в Херсонесе различными экспедициями [22, с. 6].

Пожалуй, важнейшим результатом многолетних исследований явилось убедительное заключение о сохранении полифункциональности города, что уже само по себе указывало на картину внешнего благополучия Херсона и находило подтверждение в высочайшем уровне его городской культуры. А. И. Романчук обратила внимание на то, что на

всех участках оборонительных стен, где были проведены археологические раскопки, открыты следы регулярной, периодической строительной деятельности, восстановлений, ремонтов, в том числе и в период VII–IX вв., на которые привыкли смотреть как на время упадка [22, с. 53]. Еще более подробно было проанализировано состояние христианских храмов Херсона, уточнено время их функционирования и отмечено, что наиболее масштабные нивелировочные работы были вызваны как раз общественным культовым строительством и застройкой некоторых городских кварталов, особенно интенсивной в конце VI–начале VII вв., после чего многие сооружения простояли веками. Правда, ряд храмов (№ 9, 19, 21, 27, 29, 34 по счету имп. Археологической комиссии и пятиапсидный храм) А. И. Романчук неопределенно отнесла к «средневизантийскому периоду», не уточняя времени их строительства и, очевидно, полагаясь на добротный составленный ею «Список храмов Херсона», в котором не было упущено ни одного памятника такого рода и который отчасти пополнил и, самое главное, систематизировал данные на этот счет, собранные в свое время Д. В. Айналовым, А. Л. Якобсоном, С. А. Беляевым и Ю. Г. Лосицким [22, с. 75, 222–243; *ср.*: 23, 24, с. 152–221; 25, с. 229–252; 26, с. 162–172; 27, с. 171–181; 28, с. 27–36; 29, с. 33–47; 30, с. 83–98]. Кроме того, исследовательница — одна из немногих, кто обратил внимание на такое приоритетное направление в церковной археологии, как изучение исторической топографии христианского Херсона [22, с. 72–73; 15, с. 165–171; 10, с. 45–47; *ср.*: 31, с. 3–49; 32, с. 475–520; 33, с. 546–548, 566–569, 577–579, 593–599, 643–650, 660–669, 684–687; 34, с. 60–61, 271–272; 35, с. 5–28; 36, с. 3–6; 37, с. 37–38; 38].

Принципиально важным является предложенная А. И. Романчук трактовка отсутствия слоев разрушений как показателя нормальной жизнедеятельности города, а не его «упадка» или «смерти», а также обращение внимания на то, что такие промежутки между открытыми слоями («археологические лакуны») заполняются сведениями письменных источников и бытованием некоторых общественных сооружений. Отсюда следует справедливое заключение о необходимости пересмотра методики исследования и интерпретации археологических данных [22, с. 82–85, 141–142].

К несомненным заслугам автора относится анализ 102 (в таблице — 101) известных к настоящему времени херсонесских рыбозасолочных цистерн, на основании чего был получен вывод о сохранении местного рыбозасолочного производства в «темные века» и его прекращении лишь после X в., объяснение чему видится опять-таки не в экономическом упадке, а в наступивших климатических и экологических изменениях [22, с. 88–101]¹. Особого внимания заслуживает также вывод исследовательницы о том, что стремление разместить в VIII–IX вв. в Крыму гончарные печи, изготавливавшие стандартную продукцию, поближе к непосредственным производителям сельскохозяйственной продукции и к морю, указывает на необходимость удовлетворять возросшие потребности торговли [22, с. 113]. Новым и удачным представляется предложение трактовать появление с IX в. знаков-меток или монограмм на черепицах из Херсона и других мест Таврики как способ, предназначенный для обозначения очередности обжига партии черепицы, а не персональный знак мастера или мастерской, как иногда полагают [22, с. 129–130].

А. И. Романчук последовательно рассмотрела те кварталы городища (I, III, VI, VIII, IX, XV–XIX, XXV, XXIX, портовые кварталы 1 и 2), в которых были выявлены остатки застройки VI–X вв. с указанием на археологические комплексы и другие прямые и косвенные данные, которые говорят о жизнедеятельности в этих кварталах на протяжении всего раннего средневековья, без перерывов и какой-либо деградации [22, с. 135–146, 167–183]. При этом она обратила внимание на то, что без учета археологического контекста статистический анализ находок монет некорректен, к тому же подсчеты по

¹ Следует заметить, что список цистерн обрывается на находках 1992 г. и может быть дополнен результатами раскопок как предыдущего, так и последующего времени.

годам выпуска не учитывают длительности времени обращения монет [22, с. 178]. Вместе с тем, не ясно, о каких «кардинальных изменениях» в экономике города можно говорить на основании эпизодической работы монетного двора Херсона в «темные века» [22, с. 207]. На самом деле это была общая тенденция, свойственная всей Византийской империи и связанная с усилением императорской самодержавной власти, контроля столичного государственного аппарата, более жесткой, чем прежде, централизацией монетного дела.

Возражения встречаются и некоторые другие взгляды А. И. Романчук. Так, без колебаний она пишет о существовании в Херсоне самоуправления, причем даже образование фемы, по ее мнению, «не означало полного преодоления самостоятельности городской верхушки, полного контроля над херсонитами, стремления этого пограничного центра проводить политику, идущую вразрез с центральным правительством» [22, с. 58, 206]. Именно желание покончить с этой независимостью городской общины видится ей главной причиной происшедших в Крыму административно-территориальных изменений, хотя объяснений, почему именно в 30-е гг. IX в. возросла роль Херсона как форпоста в борьбе с некими якобы «часто сменяющимися друг друга варварами», она не привела [ср.: 9, с. 9]. Причину, по какой Константин Багрянородный советовал применять по отношению к херсонитам меры не столько военного, сколько экономического воздействия, исследовательница тоже не объяснила. Как о само собой разумеющейся аксиоме она, с указанием на отнюдь не бесспорные послы И. В. Соколовой и Г. Г. Литаврина, пишет о том «постоянном стремлении к автономии, которое было свойственно херсонской знати, охранявшей многовековые традиции полисной организации» [22, с. 201].

А. И. Романчук упорно не желает признавать наличие огнеопасных, «горячих» производств (горнов, печей) в пределах жилой зоны раннесредневекового Херсона и умалчивает об имеющихся возражениях, высказанных уже в свое время в отзыве И. А. Антоновой и М. Я. Быкова на ее кандидатскую диссертацию. Она полагает, что все гончарные эргастрии находились только с внешней стороны оборонительных стен и такие «черты античного градостроительства» сохранялись до X–XI вв. [22, с. 103–105, 202]. Между тем, ромейские правила, регулирующие расположение производственных комплексов в пределах городской застройки, видимо, не были столь категоричными и, главное, соблюдались на практике весьма непоследовательно, что демонстрируют результаты исследований не только Херсона, но и других раннесредневековых византийских городов [см.: 34, с. 129–136]. Трудно также согласится с заключением, что центральная городская площадь — большая агора, была лишь «идеологической доминантой»: полифункциональность таких общественных мест в византийских городах опять-таки находит многочисленные подтверждения [34, с. 57–96].

Поскольку амфоры VIII–IX вв. встречаются в основном в пределах Крыма, А. И. Романчук, в соответствии со своими давними выводами, указывает на якобы имевшие место изменения направления торговых путей в это время и на их сокращение, не учитывая, что и прежде амфоры местного изготовления не попадали далеко за пределы Херсона, в за море, хотя город поддерживал устойчивые экономические контакты с малоазийскими и восточносредиземноморскими центрами. И уж совсем странным выглядит объяснение изменений торговых связей города в раннее средневековье ссылками на «внутреннюю политику византийских императоров», репрессии во время правления Фоки (602–610) против сирийских городов, что происходило далеко за пределами Таврики, да и не мешало херсонитам иметь с этими городами торговые контакты по меньшей мере до середины VII в. [ср.: 22, с. 182–183]. Изменение ситуации исследовательница, как в свое время А. Л. Якобсон, относит только к X–XI вв., когда Херсон «восстанавливает связи с центральными районами империи» [22, с. 183; ср.: 39, с. 56, 59–60]. Впрочем, вопреки этому утверждению, от которого так и веет традицией предшествующей историографии, окончательный вывод был сформулирован более осторожно и содержал признание в том, что в период «темных веков» город все же «отчасти сохранил связи со своими традиционными партнерами» [22, с. 204]. К сожалению, с новыми соображениями на этот счет, появившимися в некоторых

работах, А. И. Романчук то ли оказалась незнакома, то ли пренебрегла ими, сознательно оставила без критики [40, с. 114–122; 33, с. 208–267].

Непоследовательность можно заметить и во взглядах автора относительно идейно-религиозной ориентации Херсона. По ее мнению, Житие Стефана Нового указывает на то, что в «начальный период иконоборчества» в городе и его окрестностях нашли приют гонимые иконопочитатели, и ситуация изменилась лишь в начале IX в., когда «Таврика из района, где иконопочитатели находили убежище, превращается в место их ссылки» [22, с. 78]. О случаях таких ссылок в более раннее время исследовательница умалчивает, очевидно, не желая «портить» ими предлагаемую концептуальную схему.

Прочие расхождения во взглядах не столь принципиальны, но на них стоит указать, ибо они сложились либо под влиянием весьма старых заблуждений, уже встречавшихся, либо могут стать со временем основой для формирования в историографии новых «авторитетных утверждений». К примеру, устройство Западных ворот Херсона у башни VIII без каких-либо доказательств отнесено к периоду «между VII–первой половиной IX в.», несмотря на то, что оборонительная стена на этом участке датируется гораздо более ранним временем, как и главная продольная улица, выведившая к этим воротам [22, с. 51; *ср.*: 41, с. 108–109; 42, с. 61–62]. Они то и являлись известными из агиографических источников «Красными (Красивыми)» или «Святыми воротами» (*ta lega*), которые А. И. Романчук путает с Южными, так называемыми «Мертвыми воротами», действительно находившимися с первых веков н. э. между XII и XIII башнями, откуда дорога вела по периболу мимо устроенных здесь погребений (захоронения № 1009–1552) к обширному загородному некрополю у Карантинной бухты, активно действовавшему вплоть до X–XI вв. [22, с. 52, 73; *ср.*: 43, с. 110–111, 123; 33, с. 654–655, 675–677]. Попутно можно заметить, что автор, к сожалению, обошла молчанием тему гробничного дела в Херсоне, отношения херсонитов к смерти, хотя минуло уже свыше сорока лет со времени появления последнего исследования, специально посвященного изучению кладбища средневекового города, многие выводы в отношении которого нуждаются ныне в пересмотре [*ср.*: 24, с. 248–281].

Уваровскую базилику (№ 23) она называет вслед за В. В. Латышевым житийным «храмом апостола Петра», не учитывая иные версии [22, с. 66, 72–73; *см.*: 34, с. 60; 33, с. 383; 577–579]. Сооружение храма, открытого в 1958 г. на месте проксения античного театра, А. И. Романчук датирует X–XI вв., не объясняя, почему она отказывается от известной ей более ранней датировки этого памятника, тем более, что к этой датировке, в свое время предложенной проводившими раскопки О. И. Домбровским и Е. А. Паршиной, исследовательница прибегает, когда речь заходит о насыпе рыбозасолочных цистерн, открытых на этом участке [*ср.*: 22, с. 74, 94]. Крестовидный храм — меморий № 27 по центру большой агоры она вслед за Ю. Г. Лосицким датирует «по аналогиям» не ранее X–XI вв., хотя тут же обращает внимание и на более ранние памятники такого рода [22, с. 74, прим. 72].

Убийство херсонитами стратига Симеона А. И. Романчук относит к 892 г., повторяя извечную, прочно укоренившуюся ошибку [22, с. 59, 206]. Письмо № 68 Николая Мистика она без колебаний обращает к стратигу Херсона Иоанну Вогасу, хотя имя адресата в источнике не было указано и им вполне мог быть иной человек, к примеру, царский протоспафарий Иоанн Протевон, судя по находкам моливдулов, назначенный тогда новым стратигом города [22, с. 79–80; *ср.*: 44, р. 142, № 3; 45, с. 710–711, № 9]. Наконец, в Житии Стефана Сурожского нет ни слова о захвате церковных сосудов в Херсоне «русским князем Бравлином», а речь идет об ограблении Сугдеи и прочих земель, видимо, окрестных ей, «от Корсуня до Корчева» [22, с. 207].

И все же, несмотря на наличие таких натяжек или отдельных неточностей, нельзя не заметить главного, чего добилась автор за долгие годы работы, — кардинально нового взгляда на историю средневекового Херсона, особенно разительного на фоне давления авторитета предшествующих обобщающих исследований, из плена которого удалось вырваться немногим.

ЛИТЕРАТУРА

1. Романчук А. И. Византийский город в период «темных веков» (по археологическим материалам Херсонеса VII–первой половины IX вв.): Дис. ... канд. ист. наук. — Свердловск, 1972.
2. Романчук А. И. Византийский город в период «темных веков» (по археологическим материалам Херсонеса VII–первой половины IX вв.): Автореф. дисс. ... канд. ист. наук/УрГУ. — Свердловск, 1972.
3. Романчук А. И. К вопросу о положении Херсонеса в «темные века»//АДСВ. — Свердловск, 1972. — Вып. 8.
4. Романчук А. И. Новые материалы о времени строительства рыбозасолочных цистерн в Херсонесе//АДСВ. — Свердловск, 1973. — Вып. 9.
5. Романчук А. И. Комплекс VII в. из портового района Херсонеса//АДСВ. — 1973. — Вып. 10.
6. Романчук А. И. Слои VII–VIII вв. в портовом районе Херсонеса//АДСВ. — Свердловск, 1975. — Вып. 11.
7. Романчук А. И. Раннесредневековая строительная керамика Херсонеса//ВВ. — 1976. — Т. 37.
8. Романчук А. И. План рыбозасолочных цистерн Херсонеса//АДСВ. — Свердловск, 1977. — Вып. 14.
9. Романчук А. И. Херсонес VI–первой половины IX вв.: Учебное пособие. — Свердловск, 1976.
10. Романчук А. И., Шандровская В. С. Введение в византийскую археологию и сфрагистику: Учеб. пособие. — Екатеринбург, 1995.
11. Романчук А. И. Торговля Херсонеса в VII–XII вв.//Byzantino-bulgarica. — Sofia, 1981. — Т. 7.
12. Романчук А. И. Изделия из кости и рога в средневековом Херсоне//АДСВ: Античные традиции и византийские реалии. — Свердловск, 1981.
13. Романчук А. И., Белова О. Р. К проблеме городской культуры раннесредневекового Херсонеса//АДСВ: Проблемы идеологии и культуры. — Свердловск, 1987.
14. Романчук А. И. Раннесредневековые комплексы Херсона//From Late Antiquity to Early Byzantium/Ed. by V. Vavzinek. — Praha, 1988.
15. Романчук А. И. Западный загородный храм Херсонеса//ВВ. — 1990. — Т. 51.
16. Романчук А. И., Седикова Л. В. «Темные века» и Херсон: проблема репрезентативности источников//Византийская Таврика. — К., 1991.
17. Романчук А. И. Ранневизантийский Херсон (Отражение в источниках основных функций города)//Византия и средневековый Крым (АДСВ. — Вып. 26). — Барнаул, 1992.
18. Романчук А. И. К вопросу о методике датировки меток на черепице Херсонеса//Византия и средневековый Крым (АДСВ. — Вып. 27). — Симферополь, 1995.
19. Романчук А. И. Два сюжета из истории Херсона или проблемы традиционных датировок археологических источников//Византийские очерки. — М., 1996.
20. Романчук А. И., Щеглов А. Н. Проблема культурного слоя в византийской археологии//ВВ. — 1998. — Т. 55 (80). — 4.2.
21. Романчук А. И. Херсонес XII–XIV вв.: Историческая топография. — Красноярск, 1986.
22. Романчук А. И. Очерки истории и археологии византийского Херсона. — Екатеринбург, 2000.
23. Айналов Д. В. Развалины храмов//Памятники христианского Херсонеса. — М., 1905. — Вып. 1.
24. Якобсон А. Л. Раннесредневековый Херсонес//МИА. — 1959. — № 63.
25. Якобсон А. Л. Средневековый Херсонес. XII–XIV вв.//МИА. — 1950. — № 17.

26. *Якобсон А. Л.* Закономерности и этапы развития архитектуры средневекового Херсонеса // ВВ. — 1988. — Т. 49.
27. *Белляев С. А.* Базилики Херсонеса (итоги, проблемы и задачи их изучения) // ВВ. — 1989. — Т. 50.
28. *Лосицкий Ю. Г.* Опыт реконструкции крестообразных храмов Херсонеса // Архитектурно-археологические исследования в Крыму. — К., 1988.
29. *Лосицкий Ю. Г.* До питання типологічної еволюції монументальної архітектури середньовічного Криму // Археологія. — 1990. — № 2.
30. *Лосицкий Ю. Г.* Про візантійські базилики Херсонеса // Археологія. — 1991. — № 2.
31. *Белляев С. А.* Христианская топография Херсонеса: Постановка вопроса, история изучения и современное положение // VII Международные Рождественские образовательные чтения: Церковные древности / Сб. докладов секции. — М., 1999.
32. *Jastrzebowska E.* Ephesos und Chersonesos in spatantike und frühbyzantinische Zeit: Eine vergleichende topographische Studie // RivAC. — 1999. — Т. 75. — Fasc. 1–2.
33. *Сорочан С. Б., Зубарь В. М., Марченко Л. В.* Жизнь и гибель Херсонеса. — Х., 2000.
34. *Сорочан С. Б.* Византия IV–IX веков: этюды рынка, 2-е изд., испр. и доп. — Х., 2001.
35. *Белляев С. А.* О храме апостола Петра в Херсонесе // VIII Международные Рождественские образовательные чтения: Церковные древности / Сб. докладов секции. — М., 2001.
36. *Сорочан С. Б.* Где находился херсонесский храм св. Петра? // Херсонес Таврический. У истоков мировых религий. Материалы науч. конф. — Севастополь, 2001.
37. *Сорочан С. Б.* О храме во имя апостола Петра в раннесредневековом Херсонесе (Херсоне) // Восток–Запад: межконфессиональный диалог. Тезисы докл. и сообщ. — Севастополь, 2002.
38. *Сорочан С. Б., Зубарь В. М., Марченко Л. В.* Херсонес — Херсон — Корсунь. — К., 2003.
39. *Якобсон А. Л.* Крым в средние века. — М.; Л., 1964.
40. *Сорочан С. Б.* О торгово-экономической политике Византии в Таврике VII–IX вв. // Проблемы археологии древнего и средневекового Крыма. — Симферополь, 1996.
41. *Археологическая хроника* // Археологические известия и заметки, издаваемые имп. Московским археологическим обществом. — 1896. — № 4.
42. *Косцюшко-Валюжинич Д. Н.* О результатах раскопок последнего времени в Херсонесе // ИТУАК. — 1911. — № 45.
43. *Антонова И. А.* Юго-Восточный участок оборонительных стен Херсонеса. Проблемы датировки // X. Сб. — 1996. — Вып. 7.
44. *Alexeenko N., Romancuk A., Sokolova I.* Die neuen an Bleisiegel aus Cherson // Studies in Byzantine Sigillography. — Washington, 1995. — Vol. 4.
45. *Алексеев Н. А.* Стратиги Херсона по данным новых памятников сфрагистики IX–XI вв. // МАИЭТ. — 1998. — Вып. 6.

С. Б. Сорочан

